Российский фонд помощи

Налог на бедность

Лев Амбиндер
руководитель
Российского фонда помощи

В последние месяцы в нашем фонде работы больше обычного — собираем по всей России справки о тех, кого поддержали или даже спасли пожертвования наших читателей. Паспортные данные, ИНН, номер страхового пенсионного свидетельства. Сведения эти передаем спасителям. Потому что приходит время платить налоги, а по закону наши благотворители должны заплатить налоги в том числе и с тех денег, которые они отдали бедным людям. А бедные, кому отдали, должны налог заплатить тоже. Из своих денег, которых у них нет,— почему им и помогали наши читатели. В 2001 году они пожертвовали обратившимся в наш фонд $606 тыс. Как пишет одна из тех, кому помогли эти деньги: «Такой удачный год!» Она еще не знает о том, что государство возьмет налог с того, что ей дали богатые люди. И теперь облагодетельствованные либо должны снова просить милостыню — на налоги, либо уклоняться от уплаты и становиться правонарушителями. Поэтому сегодня некоторые благотворители уже закладывают в сумму пожертвования и будущий подоходный налог.

Это не просто абсурд и не просто издевательство — это действует Налоговый кодекс РФ, часть 2, статья 217.

Налоговый кодекс, ч. 2, ст. 217: *«Не подлежат налогообложению суммы единовременной материальной помощи, оказываемой налогоплательщикам... в виде благотворительной помощи (в денежной и натуральной формах), оказываемой зарегистрированными в установленном порядке российскими и иностранными благотворительными организациями (фондами, объединениями), включенными в перечни, утверждаемые Правительством РФ...*

...а также доходы, получаемые детьми-сиротами и детьми, являющимися членами семей, доходы которых на одного члена не превышают прожиточного минимума, от благотворительных фондов, зарегистрированных в установленном порядке...»

Повинуясь закону, Татьяна Леонова из Северной Осетии, мама 13-летней Иры, больной гемофилией (кровь не сворачивается, малейшая царапина опасна для жизни), должна внести в казну $5330. В 2001 году Ира получила от читателей „Ъ“ $41 тыс. на препарат «Фактор VII», который дает ей возможность жить. Как всегда, читатели действовали напрямую — через наш фонд «деньги не ходят». Переводили наличные либо покупали «Фактор» на прибыль компаний. Между прочим по приказу Минздрава № 30 от 26.01.2000 больным гемофилией «Фактор» положено выдавать бесплатно. Но бесплатно, конечно, ничего не выдают. Иру спасли добрые люди (рассказ о нынешней ее жизни читайте на этой странице).

Мать Иры уплатить налог не сможет, даже если Леоновы продадут квартиру и все свое имущество до последней тряпочки. И налог с нее не требовали бы, если б наш фонд был включен в перечень (см. выдержку из Налогового кодекса выше). Но в перечень он не включен. Хотя все фонды регистрируются по закону о благотворительных организациях и уже поэтому абсолютно равноправны. Кроме того, такие перечни незаконны, так как нарушают Гражданский кодекс (ч. 2, ст. 56), где запрещена индивидуализация налоговых льгот. А вот иностранные фонды в этот самый незаконный правительственный перечень почему-то включали. И помощь из-за границы получалась щедрее отечественной, что обижало наших филантропов. А в Москве есть свой перечень обладателей так называемых паспортов благотворительности, но после серии скандалов — потому что это был перечень исключений, а там, где исключения, там коррупция и скандалы,— он утратил силу. Впрочем, наш фонд не фигурировал, конечно, и в московском перечне. Потому что через нас, еще раз повторю, «деньги не ходят». И таким образом, неимущая Татьяна Леонова должна уплатить подоходный налог с астрономической для нее суммы $41 000 — и все потому, что Налоговый кодекс предусматривает незаконные перечни привилегированных фондов.

«Вы же смотрите, отмывают!» — сказала мне Александра Лапина, начальник отдела налогообложения граждан Министерства финансов РФ. Насчет «отмывают» госпоже Лапиной, конечно, видней. Непонятно только, почему следует считать, что юридические или физические лица, жертвующие нуждающимся прямо — или с помощью нашего фонда, что то же самое,— отмывают, а фонды, да еще каким-то образом попавшие в полумифические перечни, отмывать не будут. Весь опыт российской жизни — не только в сфере благотворительности — показывает, что все скорее наоборот. И по данным Ассоциации менеджеров, в большинстве компаний не доверяют фондам. Но за это недоверие приходится расплачиваться налоговыми льготами.

Идея освободить больных от налога на милостыню кажется нашему государству очень хитрой — за ней обязательно мерещится отмывание криминальных денег и попытка богачей уйти от налогов. Поэтому, например, если вы хотите пожертвовать на спорт или медицину — пожалуйста, но только на государственный стадион или государственную больницу. Чтобы не украли. А вот если через фонд из перечня — то пожалуйста, жертвуй кому хочешь. Вроде не украдут.

Я позвонил во Владикавказ, насчет налогов. На вопрос, что будет с Леоновыми, мне ответили: «Вы, значит, люди, а мы тут — не люди?!» То есть, слава Богу, там абсурдный закон собираются нарушить. Как говорил умнейший царский министр, несовершенство российских законов искупается только дурным их исполнением. Впрочем, при царе, сын которого был болен гемофилией, такого Налогового кодекса, как сейчас, не было.

Критические годы Иры Леоновой

Остановите ей кровь на день рождения

У Иры Леоновой сегодня день рождения. Она живет во Владикавказе. Она говорит: «Отстань, отодвинься, не мешай мне, я занята!» Она говорит это своей болезни. У нее гемофилия. Она единственная в России девочка, у которой не свертывается кровь. Вообще-то это болезнь для мальчиков. Вообще-то девочек, больных гемофилией, стерилизуют, поскольку то, что по телевизору называют критическими днями, для них — смертельные дни. Но Ира хочет детей.

Ира Леонова мечтает о будущем, счастливом и многодетном

Может быть, все дело в заводе «Электроцинк»? Во Владикавказе есть такой завод.

— Наш папа работал там,— говорит Ирина мама, так что непонятно, об отце ли она Ирином говорит или о дедушке.

На этом самом заводе время от времени случаются небольшие выбросы всякой электроцинковой дряни, и тогда весь город пару дней покашливает. Но однажды там случилась большая авария. Наш папа с тремя друзьями ликвидировал ее, и потом в течение года всех четверых ликвидаторов не стало. Умерли от рака. У нашего папы была коллекция кактусов — три тысячи штук. В день, когда он умер, в доме остановились часы, а кактусы стали сохнуть. Теперь осталось не больше десятка.

Днем наш папа работал на заводе, вечерами варил в автосервисе разбитые машины. Он был хороший сварщик. Ему надо было много денег, потому что каждый раз, когда Ира царапала руку, ей требовался внутривенный укол за триста долларов, чтобы остановить кровь. Когда он умер, денег не стало.

Однажды младшая Ирина сестра Диана играла в уборку дома. Она старательно вытирала пыль со стеклянного трюмо, а стекло лопнуло, и Диана порезала руку. Матери даже не пришло в голову крикнуть: «Принесите перекись!» Она крикнула: «Ира, засекай время!» И Ира не спрашивала, почему надо засекать время, а не нести перекись. Она просто взяла часы и стала считать, сколько времени пройдет, прежде чем ранка на Дианиной руке затянется сама. Ранка затянулась очень быстро. Мать и дочь вздохнули с облегчением. У Дианы нет гемофилии. Наш папа бы тоже порадовался. Диана здорова. А вы просто не знаете, какое это счастье, если кровь свертывается.

В младенчестве у Иры был подвывих тазобедренного сустава. Она долго не начинала ходить, а только вставала в кроватке и опиралась предплечьями на решетку. На предплечьях оставались синяки.

Однажды мама стала купать Иру в ванночке. Искупала, вытащила, обернула полотенцем и тут только заметила, что на боку у девочки синяком отпечаталась ее ладонь. Ты просто берешь ребенка на руки, а получается, будто ты его ударил изо всех сил. Когда Ира стала ходить, ее тельце вдруг все покрылось синяками. Только на пятках не было синяков. «Скорая», больница, республиканская больница, московская…

— Чего вы так добиваетесь диагноза? — спрашивали врачи.

— Я не диагноза добиваюсь, я девочке хочу помочь,— говорила Ирина мама.

И диагноз наконец поставили. Гемофилия. Редчайшая для девочек болезнь. Недостаток какого-то там седьмого фактора в крови. Этот самый седьмой фактор отечественные фармацевтические чиновники даже и не зарегистрировали в качестве лекарства, разрешенного ко ввозу в страну. Все лекарства, которые Ира получала до сегодняшнего дня, ввозились чуть ли не контрабандой.

— Зато я никогда не заболею раком,— говорит Ира.

У нее пухлые щеки, карие глаза, и она улыбается. Я сижу у них во владикавказской квартире. На окне стоят остатки папиной коллекции кактусов. Ира немножко стесняется меня и, когда я не вижу, корчит маме смешные рожи.

— Почему не заболеешь раком?

— Потому что гемофилики раком не болеют. Это единственный плюс при всех остальных минусах.

Мы говорим про музыку. Мама запрещает Ире слушать группу «Ленинград», потому что эта группа поет неприличные слова, а Ира просит записать со всех дисков Сергея Шнурова те песни, где матерных слов нет, и разрешить ей слушать.

Мама разрешит, наверное. Есть слишком много вещей, которые и так Ире нельзя.

Ей нельзя кататься на велосипеде. Она бы очень хотела, но ей нельзя. Один больной гемофилией мальчик из Владикавказского общества больных гемофилией, каковое общество возглавляет Ирина мать, упал с велосипеда, сломал шейку бедра и получил обширное кровоизлияние в сустав. Теперь он не может ходить. Так что Ире нельзя на велосипеде.

Злые дети во дворе долго дразнили Иру, что, дескать, у нее нет даже роликов. А Ире нельзя на роликах. Ей нельзя падать, ушибаться, раниться, стесывать об асфальт коленки. Однажды ей вырвали молочный зуб и потом не могли остановить кровь две недели. Соседки по двору, если Ира совсем уж не утерпит и побежит играть с другими детьми в казаки-разбойники или «семь камней», сразу останавливают ее и говорят:

— Ирочка, ты сиди.

И Ира сидит. Сидит на скамеечке и смотрит, как другие дети играют. Ее иногда только зовут разбить семь камней мячиком, а потом, когда нужно разбегаться и расставлять камни, Ира возвращается сидеть на скамейку. У нее даже нет дома мячика. Ей нельзя мячик.

Пару лет назад мама все-таки купила Ире роликовые коньки, потому что у ребенка должны быть роликовые коньки, даже если их нельзя. Два дня мама и бабушка катали Иру по двору, держа ее под обе руки. А потом Ира просто выходила на двор, надевала ролики, сидела в них на скамейке, снимала и шла домой. А потом злая соседская девочка подошла и сказала:

— А велосипеда у тебя все равно нет.

И тут Ира выросла из своих роликовых коньков.

Несколько раз в году Иру увозят на «скорой». Довозят до больницы, а центр переливания крови отказывается дать кровь: не хватает. Несколько раз она, спускаясь по ступенькам, слегка подворачивала ногу и после этого по полгода лежала в гипсе из-за кровоизлияний в сустав. Несколько раз в неделю ей ставят капельницы. Несколько раз на дню Ира засыпает на уроках, потому что голова кружится, если так часто теряешь кровь.

Одноклассники говорят Ире:

— Везуха тебе. Вот бы у меня каждый день носом шла кровь и меня бы домой отпускали.

Ира говорит:

— Не дай бог.

Вы представляете себе тринадцатилетнюю девочку, которая говорит «Не дай тебе бог»?

И вот еще что. Главное. Ира стала девушкой. Она теперь раз в месяц рискует жизнью. Врачи предлагают стерилизовать ее и покончить с этой проблемой. Но Ира хочет детей. Такая детская беззаботность. Мать говорит ей:

— Ты родишь, а я буду нянчить.

— Нетушки,— смеется Ира.— Тогда он будет считать тебя мамой, а меня сестрой.

Они говорят о ребенке почти невероятном, ради которого тринадцатилетняя девочка рискует жизнью всякий раз, когда у других женщин просто ноет внизу живота.

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН

«Фактор VII» для Иры Леоновой обойдется в $36 000

По расчетам Гемацентра Москвы, потребность 13-летней Иры Леоновой в препарате «Фактор VII» на год составит 120 флаконов. Один флакон при закупке у производителя (компания Baxter, Австрия) стоит $300, у продавцов в России — $347.

В 2001 году читатели собрали для Иры $41 000. Суммы поступали разные: от 50 руб. до $5000, а $26 000 вложила одна из российских нефтяных компаний. Она сама закупила препарат в Австрии, получила от Минздрава РФ разрешение на ввоз несертифицированного товара и вручила Леоновым комплект флаконов 4 апреля, в день рождения Иры. Эта компания уже сообщила в фонд о готовности оплатить полугодовой набор флаконов. Реквизиты Леоновых можно получить в фонде.

ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

«Я верну вам долг, помогая другим»

На этот раз мы начнем отчет о ваших добрых делах с писем-благодарностей.

Наталья Матвиенко, 27 лет, диабет, ампутирована нога. Требовалось $5332 на протез бедра и операцию. Собрано $6586.

«Дорогие люди, милые, хорошие мои, я так счастлива!!! Вы не просто поставили меня на ноги. Вы спасли мне душу. Меня прооперировали и сделали протез фирмы „Отто Бокк“. Он прелесть. Учусь ходить. А ваши деньги все поступают. Расплатилась по всем долгам, что накопились за многие годы тяжкой болезни. Теперь, очень верю, все пойдет иначе. Хочется жить, работать и, как вы, помогать другим. Только так я верну вам долг — помогая другим. Спасибо от мамы и дочки! ***Ваша Наташа, Волгоградская область***».

Дима Капустин, 3 года, тяжелый детский церебральный паралич. Требовалось 70,5 тыс. руб. за три курса лечения. Собрано 82 тыс. руб.

«Вы, наши ангелы-хранители, как и я, мечтаете о скорейшем выздоровлении моего Димы. Я обошла столько порогов, а помог только Российский фонд и вы, перечислив в клинику на лечение моего трехлетнего сына огромные деньги. Мой малышок уже заговорил, заработали ручки и ножки. Лечение впереди долгое, но есть деньги, и я верю, что заветная мечта (Дима пробежится по деревне) обязательно сбудется. Если бы я могла увидеться с вами, то поклонилась бы в ноги и поцеловала их за вашу доброту. Храни вас Господь. ***Галина Белкина, Курская область».***

Ольга Чиянова, 18 лет. Инвалид первой группы. Нужен электропривод к инвалидной коляске, 13 тыс. руб. Собрано 27 тыс.

«Когда я написала вам, мама ни на что не надеялась. А я знала, что вы обязательно поможете. Теперь мама говорит: „Ты верно выбрала профессию психолога“. Но о том, что вы сделаете для меня, никакой самый мудрый психолог не догадался бы. Вы прислали денег вдвое больше, и мы купили новую электроколяску! Вот только что! Ее еще нужно освоить, но это разве беда?! Какие вы все хорошие! Какой светлый и радостный у нас 2002 год! Ура! ***Оля, Челябинская область».***

СЕРГЕЙ ПОНОМАРЕВ

Доктор Дмитрий Балашов (РДКБ) убежден: этот дар — аппарат Cleanetmax для очистки костного мозга — сэкономит больным до $50 тыс. в год

А теперь последние новости. Полностью профинансированы просьбы о помощи:

12-летней Кате Усовой (двусторонняя глухота, слуховые аппараты Oticon-390E, собрано 21 тыс. руб., Калужская область);

27-летнему Петру Остольскому (травма позвоночника, лечение в Израиле, $15 440, Москва);

7-летней Рите Бульбах (рак, три курса «химии» и лечение в санатории, 178 060 руб., Санкт-Петербург);

19-летнему Алеше Сорокину (сколиоз четвертой степени, операция по коррекции позвоночника, 184 476 руб., Тюменская область);

12-летней Оле Зеленской (сколиоз четвертой степени, операция по коррекции позвоночника, 211 тыс. руб., Алтайский край);

7-летнему Гоше Курганову (цифровой слуховой аппарат Oticon Adapta, $1200, Москва);

9-летнему Саше Листровому (детский церебральный паралич, препарат ботокс, 39 382 руб., Москва);

13-летней Жене Аникиенко,13 лет, (четвертая степень тугоухости, аппараты Oticon DF-II-SP, 54 660 руб., Москва);

13-летнему Алеше Величко (гидроцефалия мозга, нейрохирургическая операция, 87 тыс. руб., Санкт-Петербург);

2-летней Юле Литус (детский церебральный паралич, три лечебных курса, 77 400 руб., Хакасия);

27-летней Надежде Живаевой (ревматоидный полиартрит, эндопротезирование тазобедренного сустава, 167 472 руб., Алтайский край);

7-летнему Жене Романову (сахарный диабет, тест-полоски на год, 20 тыс. руб., Воронежская область);

14-летнему Коле Джумерову (диабет на фоне поливалентной аллергии, дозатор инсулина и препарат на два года, 177 450 руб., Белгородская область);

4-летнему Максиму Мальцеву (детский церебральный паралич, две операции, 24 тыс. руб., Владимирская область);

13-летнему Сереже Аржанову (сахарный диабет, два глюкометра и тест-полоски на год, 27 тыс. руб., Воронежская область);

19-летнему Евгению Редько (тугоухость, слуховые аппараты Oticon-390PL, $700, Московская область);

2-летней Кате Зерновой (врожденный порок сердца, операция в НЦССХ имени Бакулева, 111 070 руб., Владимирская область);

Российской детской клинической больнице (приобретены аппарат для очистки костного мозга Cleanemax, Бельгия, $36 тыс., и лаборатория тканевого типирования высокого класса Protrans, ФРГ, $32,5 тыс., Москва);

Нелидовской школе-интернату (оборудован лингафонный класс немецкого языка, 27,6 тыс. руб., Тверская область);

Новые переводы поступили на лечение 14-летнего Сережи Севостьянова (гемофилия, Ульяновская область), 15-летнего Володи Разгонова (гемофилия, Брянская область), Нади Курзаевой (лейциноз, Московская область).

Бедствующим семьям Черновых (Марий Эл), Бражкиных (Коми-Пермяцкий АО), Ражевых (Ярославская область), Лесниковых (Удмуртия), Гусельниковых (Пермская область), Аслан (Ставропольский край) отправлены 81,7 тыс. руб. и 61 посылка.

Помогли Юлия Соломоновна (Узбекистан), Анна (Люксембург), Алексей (Нижний Новгород), Татьяна Алексеевна (Новосибирск), Вика (Санкт-Петербург), администрация Белгородской области, мэрия Москвы, Елена Смирнова (фонд «Созидание»), ассоциация рекламных компаний «Тихая гавань», фонд «Открытое сердце», Павел, Зоя, Гуля, Вячеслав, Эльдар, Инна, Лариса Мефодиевна, Елена, Геннадий, Эрнест, Марина, два Андрея, Татьяна Николаевна, две Екатерины, шесть Лен, две Анны, Юлия, три Натальи, Дмитрий, Ирина, Нияз, Ира, Вера, три Марии, Ангелина, Людмила, три Игоря, Георгий, Галина, Виктория, Яна, Валентина Николаевна, Владимир Афанасьевич, Ольга Ивановна, Александр, два Константина, Михаил, Олег, три Ольги, Оксана, два Сергея, Нарине Камоевна, Эмин (все — Москва). Спасибо всем!

Из свежей почты

Рахман Бачаев, 4 года, детский церебральный паралич. Нужны пять курсов лечения, 127 500 руб.

У меня пять детей, сын Рахман — инвалид. У него церебральный паралич и эписиндром. Иногда думаю, если б не проклятая война, то был бы Рахман здоров. Теперь он младшенький. В 99-м при бомбежке погибла двухмесячная дочь. Иногда сама удивляюсь, как, пройдя этот кошмар, не лишилась ума. В четыре года Рахман еще не сделал первого шага. Он не ходит и не может говорить. Во время родов произошло кровоизлияние в мозг и смещение позвонка. А в пять месяцев случились первые судороги. Я носила его по всем врачам Грозного. В годик он еще не держал голову. Я обратилась к знахарю, тот и распознал смещение позвонка. Вскоре ребенок научился сидеть. По направлению МЗ Чечни мы попали в Москву, а муж остался с семьей в Грозном. И Рахман стал «шагать» в ходунках, сам слезает с кровати и произносит несколько слов благодаря хлопотам милосердных москвичей. Мы побывали в центре Скворцова. Врачи гарантируют стопроцентное излечение: поэтапно, курсами по 10 дней с интервалами в три месяца. Но стоимость курса 25 500 руб.! Ко всем несчастьям, муж не работает: негде в Грозном, нас спасают детские пособия. Надеюсь на милосердие добрых людей. ***С уважением Лариса Бачаева, Чечня***

Завотделением НТЦ профилактики и лечения психоневрологической инвалидности (Москва) Ольга Тарасова: «Бедная мама предвосхищает события. Говорить о прогнозах пока рано. Надо обследовать и лечить как можно скорее. Важна реакция на первый курс. Отзовется малыш — и за год можно на ноги поставить».

Центр реабилитации наркоманов «Добрый самарянин». Нужны сезонные одежда, обувь, постельное белье.

Кое-кто зовет нас общиной или монастырем. Я не спорю, но на самом деле наш дом — это центр реабилитации наркоманов «Добрый самарянин». Живем в трудах и молитвах. По утрам и вечерам читаем Библию, днем работаем на земле и по хозяйству. У нас не только верующие. Но присутствие на чтениях Библии обязательно для всех. Сейчас здесь пятнадцать реабилитируемых и пара сотрудников центра с семьями. Мы можем принять одновременно до 60 человек. Многие, увидев наши условия, уходят. Ломка — дело серьезное. Но за 40 человек, кто прошел наш курс, я спокоен. Спасение не в медикаментах и не в лечебницах. Я был наркоманом, прошел через все. Главное человек для себя решает сам. В этом суть. Наркоман — эгоист. Значит, надо сменить ментальность, научиться жить не только для себя, а и для других. Меня спасла вера в Бога и тяжелый труд на благо таких, как я. Мы выращиваем овощи, рыбачим на озерах и делимся добычей с соседним приютом. Но пока мы не самодостаточны. Помогают протестантская церковь «Свет миру» (4000 руб. в месяц) и областная администрация. Откроем швейную мастерскую — и появятся свои деньги. Словом, питанием обеспечены, а на одежду средств нет. Требуется все (размеры прилагаю), в т. ч. постельное белье. Спасибо. ***Дмитрий Какасьян, директор, Тюменская обл.***

Начальник отдела областного комитета по борьбе с наркоманией Галина Криницына: «Активный центр. Принимают всех без отбора: и кто на ломке, и кто на игле. Никакой терапии, только молитвы и труд. Мы, конечно, поддерживаем и даже занесли „Доброго самарянина“ в свой реестр».

Вниманию читателей-москвичей, кому недосуг идти на почту!

Наши партнеры благотворительные фонды «Созидание» и «Открытое сердце» специализируются на сборе добротной подержанной одежды и передаче ее в детдома, дома для престарелых, а также авторам писем в „Ъ“. Если вам самим заняться посылкой не с руки, наши партнеры бесплатно возьмут эти хлопоты на себя. Принимаются заявки и от компаний. Дополнительная информация — в Российском фонде помощи.

Наташа Чурилина, 16 лет. Сколиоз 4-й степени. Требуется операция за 193 372 руб. на позвоночнике.

Я обегала город с просьбой о помощи, но ответ везде один: «Денег нет, и не проси!» У дочери еще во втором классе заметили искривление позвоночника. Врачи поместили Наташу в интернат. Шесть лет она пробыла там, а позвоночник год от года становился все хуже. И вот случайно Наташа встретила Сашу Суворова из параллельного класса: прямого и невредимого! Представляете, его оперировали в Новосибирском НИИТО и теперь спина прямая, а вся жизнь впереди! Но когда я узнала, почем та операция, мне стало плохо. А Саша тут и рассказывает про ваш фонд и газету, как именно вы в складчину его и спасли. Мы съездили в Новосибирск, доктора уверяют, что операция за 193 372 руб. Наташе абсолютно показана. Надо оперировать, пока Наташеньке 16 лет, так как потом позвоночник может скрутить до паралича. Наташа плачет, а муж только зубами скрипит. Я домохозяйка, у нас четверо детей. А муж шоферит за 2500 руб. Что делать? ***Лариса Чурилина, Кемеровская обл.***

Хирург Михаил Михайловский, Новосибирск: «Огромная стоимость операции обусловлена ценой за французский имплантат: 168 000 руб. После операции противопоказаны тяжести, резкие наклоны. Но в остальном девушку ждет жизнь как у всех».

Родин Никита, 5 лет, тугоухость 4-й степени. Нужен второй слуховой аппарат Rexton, $362.

Мы были бы признательны и благодарны вам, если бы нашлась возможность помочь нашему пятилетнему Никите в приобретении слухового аппарата Rexton. Один аппаратик нам удалось купить, помогла сестра, но на второй просто нет денег. Он стоит $362. У Никиты тугоухость четвертой степени, это пограничо с полной глухотой. Но с аппаратом он станет как бы слабослышащим второй степени. На занятиях в детсаде он с одним аппаратом очень медленно усваивает слова на слух. Пока только простейшие: собака, дом, шар… Педагог считает, что Никитка очень старается. Второй аппарат позволит быстрее наращивать словарный запас, улучшить произношение и вообще уверенно поступить в школу для слабослышащих. Мы, родители, оба инвалиды третьей группы по слуху. Закончили Институт искусств (ГСИИ), и оба преподаем здесь же. А папа Никиты еще и актер в Театре мимики и жеста. Зарплаты в сумме не превышают 3300 руб. К сожалению, мы просто не знаем иной возможности помочь своему сынишке, кроме как обратиться к вам. ***Сергей Родин, Светлана Корзун, родители, Москва***

Директор Центра реабилитации неслышащих «Отофон» Ольга Смирнова: «Никита уже владеет языком жестов, но родители справедливо хотят, чтобы он освоил и обычную речь. Второй аппарат Rexton сделает эту задачу вполне реальной».

Дом ребенка «Солнышко». Требуется сушильная машина, 54 900 руб.

К вам обращается главный врач муниципального дома ребенка «Солнышко». Созданный для сирот в годы Великой Отечественной войны, наш дом теперь служит приютом для детей, брошенных родителями. Дети окружены вниманием и лаской. Их здесь 44, кроме здоровеньких поступают инвалиды и больные. Как водится, многого не хватает, и мы выкручиваемся, как можем. Вот уже несколько месяцев как вышли из строя обе сушильные машины. Можете представить, каково приходится. Новые машины мощностью загрузки 25 кг соседний завод продает по 54 900 руб. Нам бы хотя бы одну! Местные власти ссылаются на скудость бюджета, и ситуация просто безвыходная. Мы, конечно, госучреждение и не вправе рассчитывать на вашу помощь, да выхода нет. ***Татьяна Козырева, Смоленская обл.***

Заместитель главы районной администрации Таисия Алексеева: «А мы, думаете, не переживаем за Козыреву и ее питомцев?! Вместе актировали поломку машин. Такой прекрасный коллектив, трудится на совесть и за маленькую зарплату. Но Татьяна Владимировна верно информирует: в бюджете денег нет».

Остальные письма из свежей почты фонда читайте на нашем сайте www.rusfond.ru.

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года. Он действует как посредник между людьми, которые оказались в беде, и людьми, готовыми помочь. Мы получаем письма-просьбы и после тщательной проверки публикуем их в «Коммерсанте», журнале «Домовой» и на сайте www.rusfond.ru. Если вы решили поддержать авторов-бедолаг — звоните в фонд, получаете их необходимые реквизиты и дальше действуете самостоятельно.

Адреса фонда: 125252, Москва, а/я 50; www.rusfond.ru.
Телефоны: (095) 943-91-35, 158-69-04 (тел./факс)
E-mail: rfp@kommersant.ru.

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».